

Научная статья

УДК 343.911

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-142-150>

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ СИМВОЛИКИ И АТТРИБУТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ «АУЕ»*

Андрей Викторович Звонов^{1,2}

Юлия Вячеславовна Журавлева³

¹ Академия ФСИН России, 390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1

² Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, д. 87

³ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

^{1,2} zvonov_av@mail.ru

³ zhuravleva82@mail.ru

Аннотация

Негативная динамика преступлений экстремистского характера и проблемы, возникающие в практике квалификации отдельных преступлений экстремистской направленности, обуславливают актуальность работы. Целью написания данной статьи является рассмотрение вопросов оценки и анализа символики международного общественного движения «АУЕ». Исследованы теоретические основы уголовно-правового и криминологического аспектов оценки символики «АУЕ» и проанализирована сформировавшаяся следственно-судебная практика. На основании собранных авторами данных¹ приводятся наиболее значимые теоретические и практические проблемы оценки изображений, применяемых в качестве символики движения «АУЕ».

* Деятельность международного общественного движения «АУЕ» (имеет и другие названия) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹ Проведен анализ более 1000 материалов административных дел по признакам совершения правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ, и более 250 материалов уголовных дел по признакам совершения преступлений, предусмотренных ст. 210.1, 282.1–282.4 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм; международное общественное движение; арестантское уголовное единство; арестантское уркаганское единство; А.У.Е.; АУЕ; символика; схожая до степени смешения символика.

Для цитирования: Звонов А. В., Журавлева Ю. В. Вопросы толкования и квалификации символики и атрибутики международного общественного движения «АУЕ» // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 3. С. 142–150. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-142-150>

Research Article

QUESTIONS OF INTERPRETATION AND QUALIFICATION OF SYMBOLS AND ATTRIBUTES OF THE INTERNATIONAL SOCIAL MOVEMENT “AUE”

Andrey V. Zvonov^{1,2}

Yulia V. Zhuravleva³

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
1 Sennaia St., Ryazan, 390000, Russia

² Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov,
87 Gorky St., Vladimir, 600000, Russia

³ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

^{1,2} zvонov_av@mail.ru

³ zhuravleva82@mail.ru

Abstract

The article discusses the issues of evaluation and analysis of the symbols of the international social movement “AUE.” The theoretical foundations of the criminal law and criminological aspects of the evaluation of the symbols of “AUE” and the analysis of the established investigative and judicial practice are considered. Based on the data collected by the authors, the most significant problems of evaluating images used as symbols of the AUE movement are presented.

Keywords: extremism; international social movement; convict criminal unity; convict unity; A.U.E.; AUE; symbolism; confusingly similar symbolism.

For citation: Zvonov A. V., Zhuravleva Yu. V. Questions of Interpretation and Qualification of Symbols and Attributes of the International Social Movement "AUE." *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 3, pp. 142–150. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-3-142-150>

Введение

Глобализация и транснационализация преступности в современном мире существенно влияют на возможности борьбы с криминализацией общества. Терроризм и экстремизм – криминогенные явления, которые особенно подвержены таким тенденциям. Распространение и пропаганда терроризма и экстремизма посредством использования мессенджеров и сети Интернет не имеют национальных границ, характеризуются обезличенностью. Способы вовлечения и пропаганды идей террористического и экстремистского характера отличаются разнообразием и завуалированностью. Нередко адресатами подобного вовлечения и пропаганды экстремистских идей выступают несовершеннолетние, являющиеся не только наиболее активными пользователями сети Интернет, но и наиболее уязвимой вследствие особенностей психоэмоционального развития категорией населения. В этой связи действенной профилактической основой государственной политики в сфере противодействия экстремизму может быть только здоровая система общественных морально-нравственных ценностей. Государственная политика современной России характеризуется в последние годы довольно жестким и последовательным подходом к реализации мер, направленных на сохранение и укрепление традиционных для нашего общества взглядов и ценностей. В рамках реализации данной политики были вынесены решения Верховного Суда, признающие экстремистской деятельность таких организаций, как «АУЕ» [1], «ЛГБТ» [2] и целый ряд других. Так, пристальное внимание сегодня обращено на определение отношения государства к последователям и пропаганде образа жизни «Чайлдфри».

1. Понятие символики и атрибутики «АУЕ»

Движение «АУЕ» имеет давнюю историю развития и распространения криминогенного влияния на широкие слои населения нашей страны, однако фундаментальный документ, запрещающий деятельность данного сообщества, был принят относительно недавно. Таким актом является решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с, в соответствии с которым международное общественное движение «АУЕ» (имеет и другие названия) признано экстремистским.

В своем решении Суд указал на основные признаки данного движения, среди которых в том числе наличие характерной символики: *«Движение имеет свою символику в виде восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой»*. Наличие символики движения «АУЕ», как показал анализ правоприменительной практики, используется в качестве доказательства по уголовным делам, предусматривающим признаки совершения преступлений, предусмотренных ст. 210.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, а также служит основанием уголовной ответственности по ст. 282.4 и условием привлечения к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ.

Между тем в следственной и судебной практике продолжает возникать вопрос соотношения правовых категорий «символика» и «атрибутика» и их значения при квалификации соответствующих преступлений. Хотя указанным решением Верховного Суда РФ изображения признаны символикой, в ряде случаев встречается их оценка в качестве атрибутики. Такой подход, по нашему мнению, является неверным, поскольку изображения, применяемые в качестве татуировок, предметов или рисунков, не являются обязательным и неотъемлемым условием функционирования не только движения «АУЕ», но и других многочисленных организаций. В частности, в деятельности движения «АУЕ» встречаются многочисленные случаи применения татуировок – изображений на теле, так называемых лиц, занимающих высшее положение в преступной (криминальной) иерархии. Полагаем целесообразным исходить из того, что применение некоторых изображений используется в качестве отличительных знаков, т.е. символов, применяемых отдельными членами и в целом сообществом «АУЕ». Таким образом, их совокупность должна признаваться символикой данного сообщества. Для признания изображений как символики данного движения в качестве атрибутики должны сложиться определенные условия, например использование их в качестве обязательных опознавательных знаков, предполагающих пропуск на какую-либо территорию или мероприятие, что не наблюдается в практике деятельности подразделений движения «АУЕ».

Более того, изучение собранных нами эмпирических данных в ходе участия в процессе расследования уголовных дел позволило установить, что в некоторых случаях неверная идентификация изображений в качестве атрибутики вынуждает поднимать вопрос о недопустимости заключения специалиста или эксперта в качестве доказательства.

Проблемы практики оценки тех или иных элементов и материалов в качестве символики или атрибутики движения «АУЕ» не ограничиваются лишь определением их сущности как символики или как атрибутики. Следующий проблемный вопрос связан с определением перечня изображений, имеющих особое значение. В криминологии как науке, изучающей нравы, традиции, обычаи и правила криминальных сообществ, в том числе международного общественного движения «АУЕ», основанного в соответствии с указанным выше решением Верховного Суда РФ на *«криминальной и экстремистской идеологии»*, насчитывается несколько сотен, если не тысяч, изображений, обладающих особым значением среди членов и сторонников криминального сообщества. Такие изображения нередко позволяют идентифицировать статус лиц в преступной (криминальной) иерархии, занимаемые ими криминальные «должности», наличие у них криминальных «званий», «профессий» и т.д.

В этой связи в теории, а особенно в правоприменительной практике, возникает проблема соотнесения их со списком изображений, перечисленных в указанном выше решении Верховного Суда РФ. Криминологическая теория отмечает, что список изображений значительно шире, чем закрепленный в анализируемом решении Верховного Суда РФ. Такое различие в подходах обусловило существование двух взглядов специалистов, привлекаемых к идентификации изображений. Некоторые специалисты руководствуются исключительно перечнем, содержащимся в указанном выше решении Верховного Суда РФ, и не учитывают иные

изображения; другие же опираются на теорию криминологии, предполагающую наличие гораздо более широкого перечня изображений. Изложенное позволяет говорить о наличии узкого и широкого подходов к оценке перечня изображений, имеющих особое значение среди членов и сторонников движения «АУЕ», т.е. применяемых в качестве символики.

Считаем необходимым исходить из того, что в деятельности экстремистского движения «АУЕ», помимо указанных в решении Верховного Суда РФ, применяются изображения, значение которых среди членов и сторонников движения «АУЕ» не вызывает сомнений. К таким изображениям, например, относятся купола на монастырях, Богородица с младенцем, надписи (слова и словосочетания), кандалы и др. Также учитываются изображения распятия Иисуса Христа, перстней, звериного оскала (волк, тигр, барс, медведь и др.), паука в паутине, смерти с косой, парусника и др. Они используются в качестве знаков, т.е. символов, применяемых сообществом «АУЕ», и поэтому их совокупность может признаваться символикой данного общества. Судебная практика обычно придерживается широкого подхода к оценке перечня изображений, имеющих особое криминальное значение.

На основании изложенного следует отметить необходимость отражения наличия иных изображений, относящихся к символике, в решении Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с без их перечисления, что позволит исключить двойкий подход к возможности расширительной оценки перечня изображений, имеющих специальное значение.

2. Признание изображений символикой и символикой, схожей до степени смешения с символикой «АУЕ»

Анализ правоприменительной практики квалификации преступлений по статьям экстремистского характера обязывает нас обратить внимание на еще одну не менее важную проблему, с которой сталкиваются правоприменители, – это вопросы признания изображений символикой движения «АУЕ». Она обусловлена тем, что ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ предусматривают ответственность за публичную демонстрацию символики экстремистского сообщества, но не за символику, схожую с ней до степени смешения.

Отметим, что только указанное выше решение Верховного Суда РФ использует термин «символика» данного движения, иные акты не содержат перечня символики движения «АУЕ». В деятельности рассматриваемого движения встречаются многочисленные вариации изображений, таких как восьмиконечные звезды, эпюлетов, оскалов тигра и т.д. В связи с этим в следственно-судебной практике возникает множество вопросов относительно отнесения тех или иных вариаций даже указанных в перечне изображений к символике.

Отсутствие единообразной практики обусловлено нечеткой правовой позицией. Однако сложность ее формирования объясняется подчас невозможностью автоматического отнесения того или иного изображения к символике «АУЕ».

Проводя многочисленные исследования изображений по указанному вопросу, нами было установлено наличие десятков вариантов изображений тех же звезд (они могут отличаться как по месту расположения – подключичные области, коле-

ни, тыльные стороны ладоней, предплечья и т.д., так и стилистически), что не отменяет их значения как символики. Изложенное также относится к иным изображениям, имеющим особое значение среди членов и сторонников движения «АУЕ».

Практика по подобным делам на сегодняшний день складывается таким образом, что ответить на вопросы о наличии или отсутствии в тех или иных материалах по уголовным делам признаков символики «АУЕ» может и должен привлекаемый эксперт-криминолог. При этом оправданной представляется постановка перед экспертом вопроса о том, имеется ли в представляемых материалах символика или атрибутика, схожая до степени смешения с символикой или атрибутикой движения «АУЕ». Эксперт или специалист может дать утвердительный ответ на поставленный вопрос о наличии изображений, схожих до степени смешения с символикой и атрибутикой международного общественного движения «АУЕ». И только с учетом дополнительных источников доказывания (показаний обвиняемого, показаний свидетелей, иных характеризующих сведений, например характеристики из мест лишения свободы), позволяющих оценить, с какой смысловой нагрузкой применены те или иные анализируемые изображения, эксперт или специалист может сделать вывод о том, что те или иные изображения применены в качестве символики «АУЕ».

Изложенное предопределяет вывод о невозможности отражения в решении Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с четкого описания изображений, применяемых в качестве символики «АУЕ». Необходимо конкретизировать анализируемое решение Верховного Суда РФ указанием на открытость перечня изображений и необходимость оценки последних как изображений, схожих до степени смешения с символикой международного общественного движения «АУЕ».

Следует учитывать, что движение «АУЕ» является неформальным, его структура не определена, отсутствует обязательная и четко закрепленная символика, что предполагает вывод об отсутствии возможности однозначной трактовки анализируемых изображений. Например, изображение той же звезды, т.е. многоугольника, у которого длина лучей, расходящихся от центра диаграммы в разных направлениях, пропорциональна повторяемости этих направлений (лучей может быть как более восьми, так и менее). В классическом варианте (восемь лучей) оно идентично географическому изображению, имеющему название «роза ветров», применяемому различными социальными группами, среди которых следует отметить моряков, путешественников, сторонников независимости от окружающих обстоятельств, а также осужденных. На основании изложенного его значение различно в зависимости от субъекта и обстоятельств его применения, следовательно, не является исключительным. Таким образом, следует обращать внимание на субъективное отношение лица к движению «АУЕ» и совершаемым им деяниям.

К настоящему времени следственно-судебная практика выработала подходы к решению обозначенной выше проблемы с применением следующего алгоритма.

Во-первых, специалист, привлеченный в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий, подтверждает наличие символики, схожей до степени смешения с символикой движения «АУЕ», основываясь на анализе только изображений.

Во-вторых, специалист или эксперт, в рамках проведения следственных действий, отвечает на вопрос о применении изображения в качестве символики движе-

ния «АУЕ» с учетом анализа не только изображений, но и содержания протоколов допроса обвиняемого, свидетелей и иных характеризующих сведений, позволяющих оценить значение представленных на исследование или экспертизу изображений. В частности, учитываются показания о восприятии значения этим или иными лицами (свидетелями) примененного изображения: возможно, обвиняемый прямо или косвенно указывал на значение примененного изображения, а также показания обвиняемого, поясняющие цель применения данного изображения на теле.

Оценивая рассматриваемый перечень изображений, следует отдельно обратиться к вопросу изображения свастики, т.е. изображения знака в виде креста с равными лучами, загнутыми под прямым углом в направлении по ходу или против хода часовой стрелки, и иных изображений, традиционно относящихся к нацистской символике.

Несмотря на то что на первый взгляд указанные и подобные им изображения имеют нацистское значение, они могут применяться и в качестве символики движения «АУЕ». Среди членов и сторонников данного движения нацистская символика имеет свое особое значение – радикальное отрицание существующих правил и порядков, предусмотренных действующим законодательством. Дополним, что встречаются многочисленные случаи применения также изображений «нацистского орла», «зиг рун» и т.д., например, на эполетах, имеющих среди членов и сторонников движения «АУЕ» специальное название – «нацистский эполет».

На то, что указанные изображения применены в качестве символики движения «АУЕ», может указывать ряд факторов, например сочетание с иной символикой движения «АУЕ»: применение свастики на эполете, дополнение изображения, имеющего название «бардак», и т.д. Более того, в практике деятельности движения «АУЕ» встречаются многочисленные случаи сочетания свастики с «воровской» звездой, например совокупность изображений в виде геральдического креста на заднем фоне, восьмиконечной звезды на среднем фоне, а также свастики на переднем фоне по центру указанной звезды (последовательность изображений может отличаться).

На данный факт также может указывать применение свастики в характерных местах, например парное применение изображений на правой и левой сторонах груди (подключичные области), коленях. Подтверждает использование свастики в качестве символики движения «АУЕ» совершение лицом, применившим изображения, действий, направленных на продолжение или возобновление деятельности движения «АУЕ», а также следование им традициям, основанным на криминальной и экстремистской идеологии, и т.д.

3. Признание символикой «АУЕ» слов, словосочетаний, иных обозначений

Анализируя правоприменительные проблемы, возникающие при характеристике символики международного общественного движения «АУЕ», нельзя ограничиваться только изображениями, применяемыми представителями данного движения. Согласно сложившейся практике в качестве символики «АУЕ» также могут выступать определенные слова, словосочетания, аббревиатуры и условные обозначения, имеющие специальное смысловое значение для сторонников движения «АУЕ». Так, само название анализируемого движения, выраженное аббревиатурой,

может быть упомянуто в переписке, устной речи или использоваться как изображение на теле или предметах.

При этом также следует учитывать необходимость установления факта применения анализируемой аббревиатуры именно в значении «арестантское уголовное единство» / «арестантское уркаганское единство» и подобных, а не в значении первых букв фамилии, имени и отчества, например, близкой родственницы и родственника. Применение данной аббревиатуры в выражениях, т.е. ее произношение, например, при выдворении осужденного в помещение штрафного изолятора, также оценивается как символика рассматриваемого движения.

Криминологами, специализирующимися на изучении криминальной символики, отмечается большое разнообразие «терминов» (слов, словосочетаний), имеющих специальное значение в соответствии с криминальной идеологией. Среди таких символов движения «АУЕ» следует отметить «жизнь вора», подчеркивания в виде однократной, двукратной и трехкратной прямых линий и волнистой линии, условные обозначения в виде треста, решетки, звезды и иные слова, словосочетания, аббревиатуры и условные обозначения. Например, применение линий в отношении имен или кличек отражает их статус в движении «АУЕ»: две ровные линии – так называемые воры в законе; одна прямая линия – другие лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, например «бродяги», «положенцы», «смотрящие»; три прямые – божественное, т.е. имеющее религиозное значение. Применение волнистой линии означает, что человек, под чьим именем или кличкой оно применено, имеет отношение к лицам, сотрудничающим с администрацией учреждений уголовно-исполнительной системы. Кроме того, применение ровных линий для выделения одного или нескольких слов или словосочетаний означает ценности, пропагандируемые в движении «АУЕ», а волнистая – призываемые ее участниками и сторонниками.

Заключение

В заключение краткого анализа основных проблем правоприменительной практики в части оценки символики движения «АУЕ» следует обратиться к вопросу субъекта проведения подобных исследований и экспертиз. К настоящему времени следственно-судебная практика свидетельствует о том, что оценка символики движения «АУЕ» должна проводиться лицами, обладающими специальными познаниями в области криминологии, т.е. науки, к предмету исследования которой, помимо прочего, относится криминальная субкультура, ее нравы, традиции и обычаи. Иные науки предполагают изучение криминальной субкультуры как факультатива, направленного на обеспечение достижения своих целей и решение специальных задач.

В связи с изложенным в деятельности правоохранительных органов и судов встречаются многочисленные случаи постановки вопроса о признании недопустимым доказательством заключений специалиста или эксперта, подготовленных лицами, у которых не подтверждается наличие познаний в области криминологии. Так, подобные случаи нами установлены при подготовке исследований специалистами в области филологии и лингвистики, политологии, оперативно-разыскной деятельности, уголовного права, а также режима и надзора за осужденными.

Отметим, что исследования в области криминальной субкультуры получили названия «криминологическое исследование», «судебная криминологическая экспертиза». Лицам, назначающим проведение подобных исследований и экспертиз, следует обращать внимание на вопрос подтверждения наличия специальных познаний.

Пристатейный библиографический список

1. Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с.
2. Решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. по делу № АКПИ23-990с.

References

1. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 17, 2020 in case No. AKPI20-514s.
2. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2023 in case No. AKPI23-990s.

Сведения об авторах:

А. В. Звонов – доцент, начальник кафедры.

Ю. В. Журавлева – доцент.

Information about the authors:

A. V. Zvonov – Associate Professor, Head of the Department.

Yu. V. Zhuravleva – Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024; одобрена после рецензирования 28.12.2024; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.11.2024; approved after reviewing 28.12.2024; accepted for publication 19.03.2025.